

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 50-й Воскресенье, 11 Декабря 1911 г. Годъ изданія 7-й

СОДЕРЖАНІЕ:

Наблюденія и впечатлѣнія отъ молитвеннаго единенія и общенія съ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ. Прот. *Владимиръ Воробьевъ*.

Прежде и теперь. (Оконч.). Свящ. *С. Соколовъ*.

Тайна священника. (Оконч.). *С. Кожомскій*.

Протоіерей *І. П. Кречетовичъ*—бывшій редакторъ и основатель „Саратовскаго Духовнаго Вѣстника“.

Официальныя извѣстія.

Объявленія.

Примѣчаніе. Предыдущій №-ръ «Сарат. Дух. Вѣстн.», отъ 4 декабря, по недосмотру типографіи, ошибочно помѣченъ №-ромъ 48, а надо—49.

И. д. Редактора, протоіерей *С. Ильменскій*.

Наблюдения и впечатлѣнія отъ молитвеннаго единенія и общенія съ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ.

Приближается годовщина смерти ¹⁾, а завтра годовщина посвященія въ санъ ²⁾ незабвеннаго пастыря о. Іоанна Кронштадтскаго и намъ хочется подѣлиться съ дорогими читателями своими свѣтлыми воспоминаніями, какія хранятся у насъ объ о. Іоаннѣ.

Кто желаетъ вполне обстоятельно познакомиться съ жизнью и дѣятельностью о. Іоанна, тому можно посоветовать прочесть «Два дня въ Кронштадтѣ» Евдокима епископа Каширскаго и отдѣльныя біографіи объ о. Іоаннѣ.

Наша задача—очень скромна. Въ своей небольшой статьѣ мы передадимъ только то одно, чему были сами свидѣтелями и что пережили, передумали, созерцая о. Іоанна.

Родина о. Іоанна село Сура Архангельской губерніи. О. Іоаннѣ любилъ свою родину и далекій сѣверъ, куда прїѣзжалъ каждое лѣто. Въ Архангельскѣ намъ и удалось ни одинъ разъ видѣть во время его ежедневныхъ служеній, въ домахъ горожанъ и въ нашемъ домѣ.

О. Іоаннѣ совершалъ богослуженіе съ нѣкоторыми особенностями.

Имъ произносились возгласы молитвы не нараспѣвъ, какъ принято, а обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ, но громко, раздѣльно, отчетливо и необыкновенно выразительно.

Предъ каждой обѣдней о. Іоаннѣ предъ царскими вратами въ епитрахили всегда читалъ канонъ вслухъ народа. Канонъ оканчивался сугубой ектеніей и отпустомъ. Потомъ начиналась обѣдня. Проскомидію обычно совершаетъ младшій священникъ. О. Іоаннѣ любилъ самъ совершать проскомидію, чтобы помолиться за всѣхъ усопшихъ и живыхъ.

¹⁾ 20-е декабря.

²⁾ 12-е декабря.

Во время пѣснопѣнія: «Единородный Сыне и Слове Божій», при пѣніи словъ: «распный же, Христе Боже, смертію смерть поправый», о. Іоаннъ цѣловаль крестъ съ изображеніемъ распятаго Спасителя, который бралъ съ престола.

«Благодаримъ Господа», «Побѣдную пѣснь», «Примите, ядите, сіе есть Тѣло Мое», «Пійте отъ нея вси, сія есть Кровь Моя новаго завѣта» «Изрядно о Пресвятѣй, Пречистѣй» «И сподоби насъ, Владыко»—всѣ эти возгласы о. Іоанномъ произносились, при обращеніи лицомъ къ народу. Страшно сильное впечатлѣніе производили на молящихся слова Христа, произнесенныя при установленіи таинства причащенія, когда ихъ говорилъ о. Іоаннъ, указывая на дары. И его горящее лицо сквозь царскія врата было видно народу.

Приобщившись Св. Таинъ о. Іоаннъ все время стоялъ, не отходя отъ престола, съ закрытыми глазами, напряженно благоговѣнно молился, когда приобщались другіе священники. Въ эти моменты, несомнѣнно, онъ созерцалъ тайную вечерю, когда Спаситель въ іерусалимской горницѣ преподавалъ ученикамъ Свою Плоть и Кровь.

Много желающихъ находилось всегда приобщиться во время служенія о. Іоанна. Замѣчательно, однихъ онъ причащалъ, другимъ отказывалъ, побуждая послѣднихъ къ покаянію и исправленію.

Часть изъ оставшихся Св. Даровъ о. Іоаннъ потреблялъ всегда самъ. И, разоблачившись, онъ читалъ колѣнопреклоненный, склонясь головою на престолъ, благодарственныя молитвы Господу, Его Пречистой Матери за приобщеніе Св. Таинъ. Въ алтарь тогда воцарялась тишина. Прекращалась неизбежная уборка послѣ службы облаченій и вещей. О. Іоаннъ тогда такъ живо напоминалъ молящагося въ геѡсиманскомъ саду Спасителя. Господь, по словамъ евангелиста Луки, «паль на лице Свое, молился».

Теперь сдѣлаемъ посильную попытку, на основаніи своихъ наблюденій, раскрыть душевное настроеніе, которое переживалось о. Іоанномъ за богослуженіемъ.

Передъ самымъ началомъ литургіи о. Іоаннъ весь преображался, когда начиналъ читать въ алтарѣ предъ престоломъ съ воздѣтыми руками: «Царю небесный» и «слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе». Онъ весь неудержимо тогда отдавался молитвѣ. Душа его мгновенно зажигалась огнемъ. Огонь не опалялъ души о. Іоанна, но своею теплотою грѣлъ его и съ нимъ молящихся. Ничто не отвлекало молитвеннаго благоговѣнія о. Іоанна. О. Іоаннъ почти все время молился съ закрытыми глазами. Всю службу огонь молитвы его не оставлялъ, то ровно горя, то разгораясь сильно, ярко.

Любовь къ Христу—Спасителю міра, выливалась вовнѣ у о. Іоанна, когда онъ цѣловалъ нѣсколько разъ крестъ при пѣніи: «Единородный Сыне» и цѣловалъ его огненно.

Молитва умиляла о. Іоанна. Умиленный, онъ плакалъ даже и не въ самые великіе моменты Божественной литургіи. Разъ во время великаго выхода съ Св. Дарами, лучъ солнца упалъ на слезу, которая покоилась на лицѣ о. Іоанна и слеза серебрилась. Была въ высшей степени трогательная и душу умиляющая картина.

Въ 1907 году намъ пришлось въ послѣдній разъ увидаться съ о. Іоанномъ. Въ немъ уже не было такого яркаго горѣнія его молящейся души. Но это вовсе не было пониженіе религіознаго чувства его глубокой вѣры. Нѣтъ!.. Годы жизни о. Іоанна были сочтены. Онъ переживалъ уже старость съ ея неизбѣжными болѣзнями и немощами. А старость есть вечеръ жизни, ея закатъ. Вечеромъ и въ природѣ физической, и въ природѣ людей всегда бываетъ тихо. Солнце не палитъ, какъ палило оно въ полдень—въ дни мужества. И молитва о. Іоанна, какъ старца, была полна покоя. Это былъ благодатный миръ, который вѣялъ глубокой, успокаивающей тишиной.

Въ это время и насъ Господь удостоилъ быть сослужителемъ о. Іоанна. Прошло четыре съ половиною года, но воспоминаніе объ этой службѣ настолько ясно,

живо, кажется, что она была совершена только вчера. Такія святія минуты въ жизни или не повторяются, или повторяются рѣдко.

Не ошибемся, если скажемъ, что духовенство (насъ было тринадцать), сослужившее о. Іоанну, все объединилось, слилось съ нимъ въ тѣсный, духовный союзъ. Было тихое, ровное горѣніе душъ молящихся священниковъ, которые жили тогда сладостью небеснаго мира. А около престола ощущалось дыханіе Духа Святаго.

О. Іоаннъ всегда служилъ съ необычайною силою, дерзновенно, не только запечатлѣвая слова, но прямо врѣзая ихъ въ души, словно стальнымъ рѣзцомъ, временами потрясая до самой глубины особенно отзывчивыя, чуткія души. Такъ, о. Іоаннъ потому служилъ, что онъ ни на одну минуту не сомнѣвался, что ему дарованы свыше благодатныя силы предстоять предъ престоломъ Божиимъ и право ходатайствовать властно за весь человѣческій родъ.

Такъ могъ только тотъ служить, кто вѣрилъ, что Господь, любящій, всепрощающій, Милосердный Отецъ и служитель Божій есть по благодати сынъ Божій, котораго непременно услышитъ Его небесный Отецъ.

Вамъ извѣстно, что отъ пламенной, какъ огонь, молитвы въ геосиманскомъ саду у Христа выступали капли кроваваго пота. Молитва о. Іоанна достигала высшаго напряженія. Это отражалось и на тѣлѣ его. Оно покрывалось потомъ. И о. Іоаннъ былъ вынужденъ послѣ каждой литургіи мѣнять свою одежду и даже бѣлье.

Появленіе о. Іоанна послѣ службы изъ алтаря на амвонѣ вызывало взрывъ самаго горячаго энтузіазма въ однихъ. Другіе заливались неудержимыми слезами, чая себя утѣшенія. Народъ буквально бросался, чтобы получить благословеніе, поцѣловать руку о. Іоанна, или даже только коснуться его одежды. Такъ была велика нравственная сила вліянія пастыря идеи на народъ.

Послѣ своихъ служеній о. Іоаннъ посѣщалъ дома тѣхъ, кто приглашалъ его къ себѣ. Здѣсь намъ при-

ходило бытъ свидѣтелями всѣхъ чарующей его простоты. Въ присутствіи о. Іоанна всѣ безъ различія званія и положенія себя чувствовали, какъ братья въ кругу одной родной дружной семьи. Такая простота о. Іоанна создалась вслѣдствіе его искренности, дѣтской довѣрчивости къ людямъ и къ нимъ любви. Людей онъ любилъ нѣжною, святою любовью.

О. Іоаннъ поражалъ своею скромностью. Ему выражали удивленіе, изумленіе. А онъ тогда такъ держалъ себя и отвѣчалъ, какъ будто онъ ничего не дѣлалъ, или дѣлалъ такое обычное дѣло и дѣлалъ такъ, какъ дѣлаютъ его всѣ другіе. Но это все у него было такъ просто и такъ естественно.

Благотворительность о. Іоанна была щедрая и обильная. Но до міра долетали только отголоски тѣхъ жертвъ, которыя о. Іоаннъ приносилъ на жертвенникъ страданія и нищеты. Въ газетахъ объ этомъ изрѣдка проскальзывали лишь отрывочныя, краткія свѣдѣнія. Въ Архангельскѣ въ 1907 году о. Іоаннъ, окруженный многочисленнымъ обществомъ, въ теченіе какихъ нибудь двухъ или двухъ съ половиною часовъ роздалъ нуждающимся 160 рублей. (Извѣстна стала эта сумма, а можетъ быть она была и больше). Но замѣчательно—роздалъ деньги о. Іоаннъ такъ, что люди, даже бывшіе здѣсь, почти неотлучно при немъ, узнали объ этомъ уже послѣ его отъѣзда. Это—евангельская благотворительность, когда рука лѣвая не знала, что дѣлаетъ правая.

Мы вѣримъ, что съ кончиной о. Іоанна наше духовное общеніе съ нимъ не прервалось. Въ о. Іоаннѣ мы имѣемъ великаго за насъ небеснаго ходатая и заступника. О. Іоаннъ, теперь не связанный никакими земными узами, ровно горитъ предъ Господомъ, какъ яркое солнце, въ своихъ молитвахъ за Церковь Святую и нашу родную страну.

Да будетъ о. Іоанну свѣтлая и вѣчная память!

Протоіерей *Владимръ Воробьевъ.*

1911 г. 11 декабря
Саратовъ.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

(Что стало съ духовной школой, и нанъ съ нею быть*).

III.

Неужели духовное сословіе выдыхается? Неужели соль перестаетъ быть соленою (Мѡ. 5, 13).. Страшно осуждать огульно родное духовное сословіе, которое искони отличалось молитвенностью, воздержностью, смиреніемъ, трудолюбіемъ, нравственностью, чистотою и цѣломудріемъ. Но, кажется, нужно согласиться съ тѣмъ, что многіе и очень многіе представители этого сословія — и священники, и діаконы, и даже псаломщики стремятся и стали жить такъ называемою буржуазною жизнью съ вечерами, модными нарядами, танцами, спектаклями, картами, газетами, пикниками... Всѣ думаютъ, что это и есть настоящая хорошая жизнь, къ которой долженъ стремиться всякій порядочный человѣкъ, и что народъ, которому все это чуждо, живетъ въ темнотѣ и невѣжествѣ. Посмотрите на нашихъ псаломщиковъ, которые шеголяютъ въ свѣтскомъ платьѣ, и которымъ только остается надѣть форменную фуражку и тужурку съ малиновыми кантами «Вѣдомства Православнаго Исповѣданія». Теперь вы уже рѣдко гдѣ встрѣтите прежняго дьячка, олагообразнаго служителя алтаря Господня, въ длинномъ «полукафтани», подпоясанномъ кушакомъ или широкимъ разноцвѣтнымъ поясомъ. Подъ вліяніемъ чего совершилось на нашихъ глазахъ это переодѣванье изъ духовнаго въ свѣтское платье? Подъ вліяніемъ свѣтскихъ, буржуазныхъ идеаловъ «въ церкви я — псаломщикъ и, къ несчастью, долженъ бормотать на клиросѣ и по вечерамъ, и полунощницу, а во всей остальной жизни я такой же свѣтскій человѣкъ, какъ и нашъ писарь, учитель, управляющій, — могу и въ картишки поиграть и потанцевать, а при поѣздкѣ въ городъ, и въ театрѣ, на вышкѣ посидѣть и поглядѣть — послушать «Орфея въ аду» или «Прекрасную Елену»... Припомните, какъ въ послѣдніе годы и въ частныхъ разговорахъ среди

* Окончаніе. См. № 49 «Сар. Д. В.».

духовенства, и въ духовной печати стали толковать о замѣнѣ во внѣбогослужебное время духовнаго платья свѣтскимъ. Ссылались на очень дурной примѣръ заграничнаго духовенства, которое почему-то вообразило, что въ духовномъ платьѣ оно будетъ обращать на себя вниманіе и даже возбуждать насмѣшки. Какъ обидно было видѣть, что эти нелѣпныя вождельнія нѣкоторая духовная печать разносила по глухимъ всякъ православной Руси!

Вотъ черезъ эту самую «свѣтскую» жизнь порывается связь съ прежнимъ, строго церковнымъ бытомъ, порывается связь и съ землей; ибо можно ли стоять близко къ землѣ, проводя жизнь среди буржуазной обстановки! Сыновья и дочери въ прежней духовной семьѣ ходили на луга сѣно убирать и въ полѣ работали, а теперь они норовятъ, какъ бы на этихъ самыхъ лугахъ пикникъ устроить, отправиться туда съ самоварами, да велосипедами... Какая ужъ тутъ близость къ землѣ! Порывая же связь съ церковнымъ бытомъ и землей, представители духовнаго сословія тѣмъ самымъ порываютъ самую дорогую связь—съ народомъ и становятся въ разрядъ господъ или вообще такъ называемой интеллигенціи. Мы уже не говоримъ про то, что поддерживать этотъ полубарскій строй жизни для духовенства очень дорого и совсѣмъ не по силамъ. Въ городахъ чиновники, учителя и прочій небогатый людъ всегда страдали отъ непосильныхъ расходовъ на различныя шляпки, платья, ротонды, тальмы, накидки, горжетки и на поддержаніе всей «благородной» обстановки. Теперь отъ этого же страдаетъ и сельское духовенство. Приѣхавши на Фоминой недѣлѣ въ городъ, сельскій батюшка,—глядишь,—чуть не весь пасхальный доходъ разноситъ по лавкамъ и магазинамъ. Матушка строго-на-строго приказала купить въ галантерейномъ магазинѣ и матеріи на нѣсколько кофточекъ, и лентъ, и отдѣлки, и кружевъ, и обуви, въ модномъ магазинѣ—шляпъ себѣ и дѣтямъ. А тамъ въ бакалейномъ магазинѣ нужно кое-чего купить... И вотъ, бѣдный батюшка, къ своему ужасу, замѣчаетъ, что у него въ

карманѣ еле остается на извозчика до вокзала и на билетъ по желѣзной дорогѣ.

Удивительно ли, послѣ этого, что семинаристъ, вышедшій изъ духовной буржуазной семьи, совершенно чуждой церковной жизни, тяготеетъ въ семинаріи богословскими предметами и хожденіемъ въ церковь, «требуется» естественныхъ наукъ и свободного поступленія въ университетъ, а семинаріи желаетъ видѣть преобразованными въ «духовныя гимназіи», приготовляющими къ университету?! Ему, не привыкшему къ самоограниченію, совсѣмъ не слыхавшему объ идеальномъ пастырствѣ, разумѣется, претитъ надѣвать рясу, отращивать волосы, быть въ зависимости отъ благочинныхъ и консисторіи, браниться съ мужиками изъ-за платы за требу, изъ-за луговъ, изъ-за потравы и свиньи, которую «загнали съ овсовъ». И онъ, какъ и всѣ, хочетъ быть свободнымъ и свѣтскимъ, одѣваться въ модное и удобное платье, а не таскать по грязи длинное платье,—говорить рѣчи въ судахъ, разѣзжать по городу съ портфелемъ, еле поспѣвать домой обѣдать, а вечеромъ—въ гости или въ театръ,—лѣтомъ кататься по Волгѣ, купаться въ морѣ и откуда-нибудь «со снѣжныхъ высотъ Кавказа посылать привѣтъ роднымъ и знакомымъ».

IV.

Итакъ, семинаристы не хотятъ быть пастырями Церкви. Имъ хочется, послѣ окончанія курса, надѣть на себя форму хоть какого-нибудь высшаго учебнаго заведенія: если нельзя университетскую, то-хоть бѣлые канты ветеринаровъ, чтобы въ послѣдствіи, вмѣсто врачеванія душъ человѣческихъ, лѣчить коровъ и свиней!..

Что-же дѣлать? Всевозможные проекты въ общемъ предлагаютъ слѣдующее: сдѣлать свободнымъ выборъ пастырскаго служенія, а для этого отдѣлить богословскіе предметы отъ общеобразовательныхъ, отведя для первыхъ спеціальныя богословскіе курсы или факультеты, а для вторыхъ устроивши семи—или восьми-классныя учебныя заведенія или духовныя гимназіи. Какъ

хотите, а во всемъ этомъ чувствуется что-то неладное. Превратить духовныя училища и семинаріи въ общеобразовательныя заведенія для дѣтей духовенства, оставивши, очевидно, для этихъ заведеній прежній источникъ содержанія—церковный ящикъ, а онъ, какъ извѣстно, наполняется трудовыми народными грошами! Пусть дѣти духовенства пользуются удобной и дешевой школой, а потомъ пусть свободно избираютъ путь: или надѣвajúть рясу, или облачаются въ адвокатскій фракъ, пройдя напередъ университетъ. Разумѣется, пойдутъ почти всѣ въ университетъ. А народъ, неся копейки въ церковь, этимъ самымъ будетъ на свои средства содержать будущихъ адвокатовъ, врачей, судейскихъ, инженеровъ, но только не священниковъ. Отговорки, что и врачи, и судьи, и адвокаты нужны народу и могутъ служить ему и пр., должны быть оставлены, какъ пустыя: врачи, судьи, адвокаты, инженеры всегда будутъ, и въ нихъ недостатка не будетъ, но народу прежде всего нужны хорошіе священники, а тѣ, кто воспитался на церковно-народныя деньги, должны же отплатить Церкви и народу. Итакъ, церковныя деньги, свѣчные заводы, всѣ эти громадныя корпуса мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній, иногда съ электрическимъ освѣщеніемъ,—все это, оказывается, должно не Церкви служить, а только обслуживать духовное сословіе! Не значитъ ли это заставлять Церковь Христову, оставивъ слово Божіе, пещись о трапезахъ (Дѣян. 6, 2)? Если для дѣтей духовенства нужно общее образованіе, то вѣдь для этого есть гимназіи, реальныя училища. Въ семинаріи дешевле, и сироты—на казенномъ содержаніи? Въ томъ-то и дѣло, что хочется и дешевой или даже совсѣмъ бесплатной сословной школой воспользоваться и никакихъ нравственныхъ обязательствъ не принимать. И на церковныя деньги учиться, и Церкви не служить. Справедливо ли это?..

Если земство имѣетъ при университетѣ свои стипендіи по медицинскому факультету, то имѣетъ ли оно нравственное право желать и даже требовать, чтобы вос-

питавшіеся на его деньги врачи возвращались къ нему же и служили народу именно врачами, а не оказывались адвокатами, инженерами, акцизными? Государство, тратящее деньги на кадетскіе корпуса и юнкерскія училища, имѣетъ ли право ожидать, чтобы кадеты и юнкера служили именно въ войскахъ и воевали? Такъ Церковь—народъ желаетъ и ожидаетъ, чтобы люди, воспитавшіеся на церковно-народныя деньги, возвратились къ Церкви—народу же въ священномъ санѣ, а не оказывались адвокатами, акцизными, податными инспекторами, желѣзнодорожниками. Могутъ возразить: кадетъ тоже имѣетъ право отказаться отъ военщины, какъ семинаристъ—отъ рясы, если онъ, или въ учебномъ заведеніи, или по выходѣ изъ него, почувствуетъ, что эта военщина не соотвѣтствуетъ его убѣжденіямъ. Вѣрно. Но какое же имѣетъ право сей кадетъ требовать, чтобы совсѣмъ не было той военной школы, которая пришлась ему не по вкусу? или—желать, чтобы она была обращена въ простую общеобразовательную школу, въ которой не будетъ ничего военного? Если бы въ какомъ-нибудь ремесленномъ училищѣ ученики вдругъ взбунтовались: «не хотимъ быть столярами! не хотимъ быть переплетчиками! не хотимъ быть слесарями!»..—то неужели отсюда выходить, что нужно это училище передѣлать такъ, чтобы въ немъ не осталось ни столярнаго ремесла, ни переплетнаго, ни слесарнаго?!. Если многіе семинаристы не хотятъ быть священниками, то это—ихъ добрая воля, это, наконецъ,—ихъ право, и мы оставимъ за нами это право. Но какое же они, ихъ отцы и всѣ другіе имѣютъ право желать и требовать, чтобы духовныя семинаріи и училища были уничтожены?—ибо превращеніе семинарій и духовныхъ училищъ въ общеобразовательную школу есть уничтоженіе духовной школы. Духовная школа нужна для Церкви, а не для семинаристовъ въ тужуркахъ. Подобно этому, сыны вѣка сего, лѣнныя и косныя для поста и молитвы, осуждаютъ не себя и свое сластолюбіе, а посты и церковную службу и желаютъ отмѣны постовъ и церковныхъ службъ,

чтобы,—такимъ образомъ,—не они поступались своимъ сластолюбіемъ, а Церковь—своими сокровищами уставовъ и молитвъ.

V.

Сначала—общееобразованіе, а потомъ—богословское. Послѣ общаго молодой человѣкъ долженъ свободно избрать дорогу: въ университетъ или во священники (или еще куда-нибудь). Кажется, неоспоримая истина. Но,—опять,—все ли тутъ ладно? Очевидно, учить и воспитывать съ первыхъ школьныхъ лѣтъ можно двояко: такъ-сказать «общеобразовательно» и въ строго-церковномъ духѣ. Почему же удерживается только первый путь, а второй зачеркивается? Изъ того, что семинаристы не хотятъ служить Церкви Божіей, развѣ слѣдуетъ, что нужно совсѣмъ бросить попытку съ дѣтскихъ лѣтъ подогрѣвать религиозное настроеніе и даже воспитывать пастырей церкви? Если слушаться семинаристовъ, то вѣдь—Боже мой!—чрезъ какія-нибудь двадцать лѣтъ они потребуютъ отъны обязательности и тѣхъ немногихъ священныхъ и церковныхъ предметовъ, которые уцѣлѣютъ въ общеобразовательной программѣ, какъ недавно гимназисты въ своихъ «петиціяхъ» требовали необязательности Закона Божія. Если реформы въ духѣ семинарскихъ петицій желаютъ и сами преподаватели духовно-учебныхъ заведеній, то не значитъ ли это, что они не въ силахъ со своею богословскою наукой вдохнуть въ своихъ питомцевъ церковно-пастырскій духъ и потому уповаютъ на реформу, которая свалила бы съ ихъ плечъ эту нравственную тяготу?!. Или ужъ и многимъ преподавателямъ духовно-учебныхъ заведеній, хотя и питомцамъ духовныхъ академій, стала чужда церковная жизнь съ постами и меѳимонами, и, взамѣнъ этого, стала дорога свѣтская суетная жизнь съ клубами, картами, спектаклями, концертами и вечерами подъ воскресенья?!.
Мы очень преклоняемся предъ моднымъ кумиромъ — «свободою», и совсѣмъ забыли про то, что есть любовь и вѣра въ Бога. Если у меня есть дѣти, и я

нравственное право желать и даже требовать, чтобы вос-

люблю ихъ, то я не стану ждать, пока въ нихъ свободно раскроется то или другое настроеніе (ибо свободно то раскрывается большею частію только плохое), какъ садовникъ не будетъ ждать, пока дерево свободно выростетъ кривымъ,—а непременно, Богу содѣйствующу, постараюсь, чтобы раскрылось только хорошее настроеніе. Въдъ азбучная истина: свобода не въ томъ, чтобы избирать плохой или хорошій путь, а—въ томъ, чтобы имѣть въ себѣ силы пойти только по хорошему пути, не соблазняясь плохимъ. Если же держаться ходячаго понятія о свободѣ, то нельзя и младенцевъ крестить, и дѣтей молитвамъ и Закону Божію учить, и въ церковь ихъ водить *): а ну-ка младенецъ, когда выростетъ, скажетъ—„я хочу быть язычникомъ“!.. Слѣдую этому же началу свободы, нашъ крестьянинъ не долженъ склонять сына въ 18 лѣтъ вступать въ бракъ: это—нарушеніе свободы. Значитъ, пусть сынъ «вѣшается», блудитъ и дурную болѣзнь наживаетъ. Нельзя родителямъ отклонять дѣтей отъ необдуманныхъ браковъ: пусть свободно сходятся, знакомятся, женятся и выходятъ замужъ, чтобы чрезъ годъ испытать семейный адъ, стрѣляться или измѣнять, называя прелюбодѣяніе „свободною любовью“!

Если человѣческая душа по природѣ «христіанка», если св. Тимоѳей изъ дѣтства зналъ священныя писанія, которыя его умудряли во спасеніе (2 Тим. 3, 15), если въ церковныхъ службахъ и тропаряхъ говорится о святыхъ, что они «отъ юности возлюбили Христа», а «вся красная міра сего презрѣли», то не безумно-ли уничтожать школу, которая на всемъ протяженіи на первомъ мѣстѣ ставитъ все божественное и церковное?!. Какъ-ни-какъ, эта школа вѣрно служила Церкви Божіей и православной Россіи, воспитавши великій сонмъ русскихъ пастырей и архипастырей. Тутъ нечего указывать, что изъ этой школы вышли профессора университетовъ, попечители округовъ, товарищи министровъ,

*) Да это и проповѣдуютъ нѣкоторые, полагающіе, что религіозное воспитаніе должно быть изгнано изъ школы и предоставлено семьѣ.

—как дѣлають нѣкоторые ¹⁾, думая тѣмъ возвеличить духовную школу. Достаточно указать, что изъ духовной школы вышли: святители Димитрій Ростовскій и Тихонъ Задонскій ²⁾, Теофанъ Затворникъ, Амвросій Оптинскій, Иоаннъ Кронштадтскій... Но что будетъ съ превращеніемъ духовной школы въ общеобразовательную?!. Если я замѣчу въ своемъ мальчикѣ сильную религіозность, или если вообще мнѣ хочется воспитать его въ строго-церковномъ духѣ и даже подготовить изъ него будущаго пастыря, то мнѣ, съ уничтоженіемъ теперешнихъ училищъ и семинарій, очевидно, некуда будетъ отдать его учиться: я долженъ буду ждать, когда, послѣ общаго образованія, въ немъ свободно раскроется влеченіе къ пастырству, и только тогда уже отдать его на богословскій факультетъ или богословскіе курсы! Да онъ, вращаясь среди нынѣшней учащейся молодежи, до этихъ факультетовъ-то или курсовъ тысячу разъ потеряетъ свою религіозную настроенность и сдѣлается атеистомъ!.. Да и что такое эти факультеты или курсы? Что они могутъ дать будущему пастырю? Вѣдь это же не какіе-нибудь кулинарные курсы, на которыхъ чело-вѣкъ въ короткое время можетъ сдѣлаться поваромъ? Неужели намъ превратиться въ протестантовъ, у которыхъ вся вѣра, вся религія свелись къ богословской наукѣ, а эта послѣдняя въ лицѣ многихъ представителей, объяснивши и истолковавши каждое слово св. Библии, просмотрѣла одно: Сына Божія, пришедшаго во плоти. (Иоан. 4, 2—3)?!

Кончаемъ свои разсужденія. Семинаріи и духовныя училища служатъ Церкви Божіей, а не сословію, и не уничтожать ихъ нужно или ослаблять въ нихъ церковный духъ, а усилить этотъ духъ. Пусть будетъ усилена церковность и въ духовныхъ академіяхъ, откуда выйдутъ наставники семинарій и училищъ. Только на такую школу со спокойною совѣстью можно тратить церковно-

¹⁾ И совершенно напрасно. Это все равно, какъ если бы морская школа стала хвалиться, что она выпускаетъ отличныхъ воздухоплавателей.

²⁾ См. прекрасное слово къ воспитанникамъ духовной семинаріи въ № 43 „Церковн. Вѣдом.“ за 1908 г.

народныя деньги. А на проектируемую «духовную гимназію» можетъ и совсѣмъ не поступить денегъ изъ церковнаго ящика... Нѣтъ сомнѣнія, что великое множество дѣтей духовенства по прежнему будетъ учиться въ духовной школѣ. Въдъ теперешнее духовное юношество просто сбито съ толку, какъ теперь сбито съ толку все русское общество. Но, можетъ быть, духовная школа все-таки будетъ наполняться дѣтьми духовенства, бастующими, жаждущими, вмѣсто литургики и гомилетики, естественныхъ наукъ, читающими во время церковной службы по уголкамъ романы? Тогда раскройте двери духовной школы всѣмъ, уничтожьте въ ней привилегіи духовнаго сословія, предоставьте удобства, которыми въ ней пользуются дѣти духовенства (наприм., содержаніе сиротъ на казенный счетъ) для всѣхъ. Въдъ найдутся же среди сыновъ Россіи такіе, «колѣна которыхъ не преклонялись предъ Вааломъ, и уста которыхъ не лобызали его» (3 Цар. 19, 18)!

Свящ. *Сергій Соколовъ.*

Тайна Священника*).

Теперь-мы должны объяснить читателямъ, какъ о. Іоаннъ могъ быть осужденъ за преступленіе, котораго онъ не совершилъ, и какъ потомъ невинность его восторжествовала, и добродѣтель его получила должное.

Возвращаясь къ началу рассказанныхъ событій, нужно замѣтить, что безчеловѣчно зарѣзанный помѣщикъ Ивановъ былъ однимъ изъ постоянныхъ почитателей о. Іоанна, былъ его духовнымъ сыномъ и любилъ бесѣдовать съ нимъ о предметахъ вѣры.

Въ день своей несчастной кончины Ивановъ ощущалъ безотчетную тоску и томился таинственнымъ предчувствіемъ чего то недобраго. Вдругъ, какъ будто по благодатному внушенію, какъ будто нарочно для того, чтобы приготовить его къ смерти заходить къ нему на короткое время о. Іоаннъ. Это посѣщеніе обрадовало Иванова въ высшей степени.

Между священникомъ и его духовнымъ сыномъ началась бесѣда, въ которой Ивановъ раскрылъ о. Іоанну свою душу, каялся въ грѣхопаденіяхъ молодости и просилъ молитвъ. Свя-

*) Окончаніе, см. № 43.

щенникъ ободрялъ тоскующаго надеждой на милость Божію и благодать Христову; но скоро поднялся и ушелъ, говоря, что занятія призываютъ его домой.

Вышедши отъ Иванова и сдѣлавши нѣсколько шаговъ по улицѣ, священникъ встрѣтился съ другимъ своимъ прихожаниномъ. Этотъ былъ Федоровъ, тоже помѣщикъ, владѣлецъ одной изъ подгородныхъ деревень.

Очевидно было, что Федоровъ чѣмъ-то встревоженъ. Онъ такъ былъ занятъ волновавшими его мыслями, что не только не остановился при встрѣчѣ со священникомъ, но даже не отвѣтилъ на его поклонъ.

О. Іоаннъ, проводивъ его глазами и замѣтивъ, что онъ свернулъ въ домъ Иванова, пошелъ къ своему дому.

Дома онъ занялся подготовкою къ завтрашнимъ урокамъ въ школѣ. Но вотъ скрипнула входная дверь, и немного спустя раздались чьи то шаги въ залъ, смежной съ кабинетомъ о. Іоанна.

Тогда о. Іоаннъ оставилъ книги, поднялся со стула и вышелъ въ залу со свѣчкой въ рукѣ. Тамъ предъ нимъ предсталъ Федоровъ, крайне взволнованный, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ и воспаленными глазами.

— Батюшка! сказалъ онъ шептомъ, выражавшимъ и страхъ, и отчаянную рѣшимость на что-то: я совершилъ великій и тяжкій грѣхъ.

Священникъ не поддался любопытству, не спросилъ, какой грѣхъ, гдѣ совершенъ онъ? Предъ нимъ былъ его духовный сынъ, и священникъ отвѣтилъ такъ, какъ долженъ отвѣчать духовный отецъ:

— Если вы согрѣшили, и грѣхъ тяготитъ вашу душу, — сказалъ о. Іоаннъ Федорову, — то вотъ икона Спасителя предъ нами, вотъ крестъ и Евангеліе... Какъ духовному пастырю и отцу, повѣдайте мнѣ паденіе ваше, чтобы чрезъ меня, недостойнаго, получить исцѣленіе отъ Самого Христа.

Сказавъ это, священникъ открылъ большой кіотъ, стоявшій въ переднемъ углу и наполненный иконами, вынулъ оттуда крестъ и Евангеліе, завернутые въ епитрахиль, положилъ ихъ на бывшій здѣсь маленькій аналой, а епитрахиль надѣлъ на себя. Прочитавъ молитвы предъ исповѣдью, которыя пришлось сократить вслѣдствіе очень тревожнаго состоянія исповѣдника, о. Іоаннъ обратился къ Федорову съ обычными словами, положенными въ требникѣ:

„Чело! не усрамяся, ниже убойся и да не скрѣши что отъ мене“...

Федоровъ подошелъ къ священнику, машинально перекрестился и сказалъ:

— Хорошо, я все вамъ открою; но вы, отецъ, — вы не выдадите меня полиціи, когда она будетъ производить по этому дѣлу разысканіе?

— Я — служитель Христа. То, что, мы теперь совершаемъ, есть таинство, которое происходитъ между *тремя* только: между тобою, мною и Господомъ. Засвидѣтельствовавши Христу твое покаяніе, я не могу потомъ свидѣтельствовать предъ людьми о твоёмъ преступленіи. И совѣсть, и законъ воспрещаютъ мнѣ это.

Тогда Ѳедоровъ сказалъ священнику, что за нѣсколько минутъ предъ этимъ онъ убилъ Иванова.

О. Іоаннъ не нашель въ сердцѣ убійцы истиннаго покаянія. Это сердце было волнуемо другими чувствіями, изъ которыхъ самымъ сильнымъ былъ страхъ человѣческаго наказанія. Посему священникъ отпустилъ Ѳедорова безъ разрѣшенія и при этомъ сказалъ:

— Теперь ты еще не способенъ къ тому, чтобы такъ, какъ должно, воспріять отъ Господа прощеніе и помилованіе. Сначала тебѣ нужно чрезъ тяжелый опытъ понять, что судъ Божій страшнѣе, чѣмъ судъ человѣческой.

Когда послѣ того явился полицейскій приставъ и сталъ спрашивать о. Іоанна, знаетъ ли онъ, что случилось съ Ивановымъ, то священникъ пришелъ въ замѣтное волненіе и путался въ отвѣтъ. Сказать: „не знаю“ мѣшала ему привычная правдивость, а сказать: „знаю“ воспрещала тайна исповѣди.

Полицейскій приставъ выказалъ подозрѣніе, что Иванова убилъ не кто иной, какъ о. Іоаннъ. Кровавыя пятна, бывшія на мѣховой рясѣ священника ножъ, всунутый въ ея карманъ, доказывали это подозрѣніе; а сказать, что тотъ ножъ оставленъ тутъ Ѳедоровымъ, что, вѣроятно, тотъ же Ѳедоровъ вытеръ объ рясу окровавленные руки, что онъ, а не кто-либо другой, былъ убійцей Иванова, — всего этого священникъ сказать не могъ, священный тайной исповѣди.

Въ такомъ несчастномъ совпаденіи обстоятельствъ о. Іоаннъ въ первое время могъ усматривать только гнѣвъ Божій, наказаніе, посылаемое на него Богомъ за какія нибудь неправды.

Черезъ два-три дня онъ послалъ жену въ губернской городъ съ письмомъ къ архіерею. Въ этомъ письмѣ онъ писалъ, что онъ не запятналъ священства, которое принялъ отъ архипастыря, тѣмъ злодѣніемъ въ которомъ его обвиняютъ, — что онъ могъ бы назвать убійцу Иванова, но не смѣетъ назвать его потому что объ его преступленіи узналъ отъ него самаго и, что всего важнѣе, узналъ на исповѣди.

Посылая это письмо и поручая женѣ умолять архипастыря о состраданіи къ своимъ малюткамъ — дѣтямъ, о. Іоаннъ питалъ

въ душѣ надежду, хотя и очень слабую, что владыка укажетъ ему какое-нибудь средство къ тому, чтобы спастись отъ осужденія и каторги.

Но—такого средства не было, и архіерей благословилъ о. Іоанна на страданіе за чужой грѣхъ, по примѣру страданія Христова,—а не на то, чтобы спастись отъ бѣды съ нарушеніемъ священническаго долга.

Послѣ всего этого понятно, почему о. Іоаннъ не говорилъ суду ни одного слова въ свое оправданіе, и, наконецъ, былъ осужденъ и сосланъ, не сдѣлавши ничего, достойнаго осужденія. Нужно сказать, что семейство о. Іоанна въ теченіе всего времени, которое онъ провелъ на каторгѣ, жило въ прежнемъ достаткѣ. Невидимые благодѣтели щедрыми руками подавали помощь женѣ и дѣтямъ о. Іоанна. По почтѣ приходили къ нимъ отъ неизвѣстныхъ лицъ пакеты съ значительными денежными суммами, и суммы эти назначались то вообще на содержаніе семьи, то на воспитаніе дѣтей „многострадальнаго и доблестнаго о. Іоанна“.

Эти пособія, дѣлаемые неизвѣстными жертвователями, всего лучше доказывали дѣтямъ правоту ихъ отца и незаслуженность его страданій. Очевидно было, что кто то зналъ его невинность и хотѣлъ за его мученія вознаграить его дѣтей. Этимъ подтверждались слова о. Іоанна, которыя мать постоянно пересказывала его сыновьямъ: „Скажи моимъ дѣтямъ, когда они вырастутъ, что ихъ отецъ не только убійствомъ, но и неправеднымъ пріобрѣтеніемъ никогда не пятналъ своихъ рукъ“.

Наконецъ, въ одно изъ высшихъ судебныхъ учреждений поступило отъ земледѣльца Федорова заявленіе слѣдующаго содержанія:

„Въ теченіе многихъ лѣтъ я ношу въ моей душѣ страшную кровавую тайну. Это—такая тяжесть, которая съ годами не уменьшается, а возрастаетъ. Дошло до того, что силы мои уже изнемогаютъ, и я не могу болѣе скрывать того, что сначала такъ боялся обнаружить... Я—убійца Иванова... Мало того,—я виновникъ тяжкихъ страданій невиннаго священника, который за мое преступленіе осужденъ и томится въ каторжныхъ работахъ. Сначала я былъ съ помѣщикомъ Ивановымъ не только знакомъ, но и друженъ. Но потомъ между нами произошла размолвка, которая отъ моего нетерпѣнія и высокомерія превратилась въ непріязнь. Я сталъ считать Иванова своимъ заклятымъ врагомъ, когда еще не имѣлъ для этого основаній. Я нанесъ ему оскорбленіе, къ которому онъ не подаль никакого повода. Чтобы наказать меня, Ивановъ рѣшился начать противъ меня тяжёлое дѣло о границахъ нашихъ имѣній. Мнѣ сказали, что тяжба должна кончиться отнятіемъ у меня почти всего моего состоянія.

Живя обыкновенно въ деревнѣ, я поспѣшилъ тогда въ городъ, чтобы склонить Иванова къ прекращенію этого дѣла. По пріѣздѣ въ городъ, я отправился къ Иванову, едва лишь вышелъ изъ повозки. Но конецъ моихъ объясненій съ нимъ былъ ужасный, кровавый. вмѣсто того, чтобы извиняться предъ сосѣдомъ, который былъ почти вдвое старше меня годами, я обвинялъ его, вмѣсто того, чтобы просить, я сталъ дерзко требовать, вмѣсто того, чтобы загладить прежнія оскорбленія, я оскорбилъ вновь. Все это раздражило Иванова, и онъ пригрозилъ мнѣ снова тяжбымъ дѣломъ и судебными взысканіями. Тогда я вскипѣлъ бѣшенымъ гнѣвомъ. На столѣ передо мною лежалъ острый, какъ бритва, садовый ножъ. Я мгновенно схватилъ его, напалъ на Иванова и перерѣзалъ ему горло прежде, чѣмъ онъ успѣлъ закричать. Судорожно сжавши въ рукѣ своей ножъ, я опрометью выбѣжалъ изъ комнаты, накинулъ на плечи шубу и въ одно мгновеніе очутился на улицѣ. Холодный воздухъ освѣжилъ меня, и рассудокъ мой ко мнѣ возвратился. Я осмотрѣлся по сторонамъ. Улица была темна и пуста. Никто не видалъ, какъ я вышелъ отъ Иванова. Но не видалъ ли кто-нибудь какъ я входилъ къ нему? Въ ту же минуту, когда я подумалъ объ этомъ, мнѣ вспомнилось, что, входя во дворъ къ Иванову, я встрѣтилъ священника, который хорошо зналъ меня.—„Онъ можетъ сдѣлаться моимъ обличителемъ“, подумалось мнѣ. При этой мысли мое сердце болѣзненно и тоскливо забилось, и мнѣ стало нестерпимо страшно. Осужденіе за убійство, лишеніе всѣхъ правъ, ссылка въ каторжныя работы, разлука съ женой и дѣтьми,—все это представилось мнѣ въ ту пору такимъ ужаснымъ, что холодный потъ заструился по моему тѣлу. Нужно (думалъ я) какъ-нибудь склонить священника къ тому, чтобы онъ молчалъ о встрѣчѣ со мною, нужно убѣдить его, упросить, въ крайнемъ случаѣ—заставить. Думая это, я вновь почувствовалъ въ рукѣ моей все тотъ же ножъ. Въ нестерпимомъ страхѣ наказанія я готъ въ былъ въ ту минуту совершить второе преступленіе, чтобы только скрыть первое. Я быстро направился къ дому священника, больше чувствуя, чѣмъ ясно разумѣя, какую надобность имѣю я въ томъ, чтобы видѣть его и говорить съ нимъ. Меня гналъ ужасъ наказанія, и я бѣжалъ, бѣжалъ умолять священника, убѣждать его, вынуждать его и угрозами, и—можетъ быть—этимъ самымъ ножемъ, чтобы онъ не выдалъ меня. Пришедши въ домъ священника, я сбросилъ шубу въ прихожей и вошелъ въ залу, которая была освѣщена слабымъ свѣтомъ лампадъ, горѣвшихъ предъ иконами. Только тутъ я осмотрѣлъ самого себя. Въ рукѣ моей все тотъ же ножъ, и руки—всѣ въ крови. Къ чему это? подумалось мнѣ. Я воротился въ прихожую;

а только начало, не наказаніе, а только приготовленіе къ суду надо мной, къ тому суду, на которомъ я долженъ буду стоять одинъ, отвѣтъ буду держать и понесу страшное возмездіе совершенно одинъ. Святая вѣра подаетъ всякому грѣшнику надежду на спасеніе, на помилованіе. Путь къ этому помилованію лежитъ чрезъ покаяніе. Но я не могу принести Богу покаянія, пока пользуюсь плодами своихъ преступленій. Убіиство Иванова принесло мнѣ обезпеченность, а невинному священнику утрату достоинства и каторжныя работы. Пока все это остается такъ, какъ было доселѣ, я не смѣю умолять о милосердіи грядущаго ко мнѣ Судію. Чтобы получить спасеніе, подобно разбойнику, мнѣ нужно сначала отказаться отъ свободы, похищенной у другого, возвратить по принадлежности украденное у другого достоинство. Вотъ почему я объявляю судебной власти о своемъ преступленіи. Я прошу и требую, чтобы меня судили, чтобы не лишили меня человѣческаго временнаго наказанія и чтобы не оставляли священника до конца терпѣть страданія имъ не заслуженныя“.

На основаніи этого заявленія забытое дѣло ооъ убійствѣ Иванова стало производиться вновь. Послѣ оправданія священника, ему возвращены были свобода, достоинство и санъ. Обличившій самъ себя Федоровъ долженъ былъ, напротивъ, подвергнуться заключенію и ссылкѣ въ каторжныя работы.

Но полицейскій чиновникъ, посланный арестовать Федорова, нашель его въ такомъ состояніи, что его необходимо было оставить въ покоѣ. За нѣсколько часовъ передъ этимъ онъ былъ разбитъ параличемъ. Вся правая половина его тѣла была теперь безжизненна и безильна. Въ лѣвой половинѣ жизнь еще тлѣла, но сознаніе и память сохранилась.

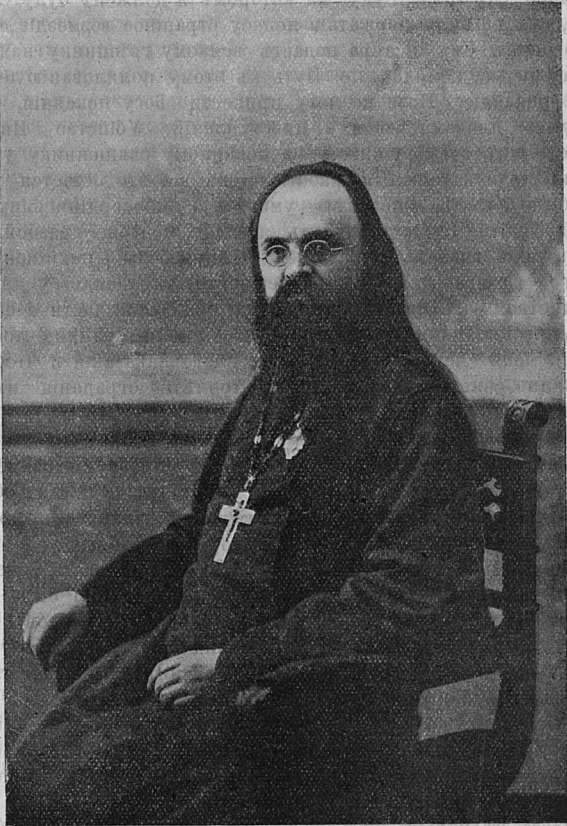
Выслушавъ извѣстіе о перемѣнѣ въ своей судьбѣ, больной Федоровъ, неподвижно сидѣвшій въ креслѣ, сложилъ лѣвой рукой крестное знаменіе, слабо перекрестился и съ нѣкоторой отрадой и облегченіемъ посмотрѣлъ на икону.

Чрезъ нѣсколько дней его не стало.

О. Іоаннъ по возвращеніи своемъ могъ отыскать лишь могилу несчастнаго убійцы. Узналъ онъ и то, что некто иной, какъ Федоровъ, оказывалъ его семейству щедрую денежную помощь.

Для о. Іоанна во всемъ этомъ заключалось достаточное побужденіе къ тому, чтобы до конца жизни вымалывать Федорову милость Божію, оставленіе грѣховъ и царство небесное. (Изъ жур. „Церковно-Приходская школа“).

С. Кохомскій.

**Протоіерей І. П. Кречетовичъ—бывшій редакторъ и основатель
«Саратовскаго Духовнаго Вѣстника».**

Заканчивая текушій годъ изданія, посвятимъ послѣдніе номера нашего журнала благодарному воспоминанію о бывшемъ редакторѣ и основателѣ «Духовнаго Вѣстника», протоіереѣ І. П. Кречетовичѣ.

І.

Въ Саратовѣ дѣятельность о. протоіеря І. П. Кречетовича началась съ 9 декабря 1903 года, въ должности

настоятеля Митрофаніевской церкви, въ каковой должности онъ оставался до 8 мая 1909 года, когда назначенъ былъ настоятелемъ Вознесенско-Горянской церкви.

Помимо приходской службы въ Саратовѣ о. Кречетовичъ, получившій богатый опытъ на предшествовавшихъ своихъ многообразныхъ должностяхъ въ области духовнаго и духовно-учебнаго управленія, съ честью проходилъ и другія многообразныя должности, возлагаемыя на него Епархіальнымъ Начальствомъ.

Занявъ почетный постъ предсѣдателя Саратовскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта (17 февраля 1904 г.), о. І. П. не ограничился формальнымъ исполненіемъ обязанностей по этой должности; ежегодно совершалъ служебныя поѣздки, особенно учащавшіяся во время весеннихъ экзаменовъ, по епархіи, близко входя, на мѣстахъ, во всѣ нужды церковно-школьнаго дѣла и учителей, для которыхъ онъ всегда являлся внимательнымъ, добрымъ покровителемъ-защитникомъ ихъ интересовъ. Благодаря этимъ поѣздкамъ о. І. П. всегда былъ въ курсѣ церковно-школьнаго дѣла епархіи, всегда стоялъ въ живомъ общеніи съ духовенствомъ и церковно-школьными дѣятелями, что и давало ему возможность всегда во время откликаться на всѣ дѣйствительныя нужды и потребности населенія по церковно-школьному просвѣщенію. Дѣятельность о. Кречетовича, какъ предсѣдателя Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, оцѣнена и высшимъ начальствомъ.

Въ томъ же 1904 году 8 Ноября о. Кречетовичъ назначенъ преподавателемъ гомилетики и соединенныхъ съ нею предметовъ въ мѣстной духовной Семинаріи. Дѣятельность его въ должности преподавателя нашла лестную оцѣнку въ рѣчахъ сослуживцевъ по семинаріи, при прощаніи съ ними, по случаю ухода въ Оренбургъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

Когда Преосвященный Владыка Гермогенъ въ сознаніи первостепенной важности распространенія среди населенія здравыхъ, исторически-національныхъ русскихъ идей, призналъ необходимымъ преобразовать мѣстныя

«Епархіальныя Вѣдомости» въ «Саратовскій Духовный Вѣстникъ» съ значительно расширенной программой— о. Кречетовичъ явился первымъ редакторомъ этого журнала. Сверхъ того, онъ нерѣдко откликнулся на злобы дня, касавшіяся Церкви и церковно-общественной жизни, и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ то: «Колоколъ», «Братскомъ Листкѣ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Волгѣ»—въ дни ея національно-русскаго, благожелательнаго къ Церкви православной направленія, и въ др.

Завершеніемъ плодотворной и обширной дѣятельности о. I, II, на литературномъ поприщѣ въ г. Саратовѣ явился капитальный трудъ его: «Крестьянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ, т. I.» свыше 700 стр., встрѣченный весьма сочувственно какъ учено-исторической, такъ и общей безъ различія направленій—печатью. За означенный трудъ авторъ удостоился высшей—для каждаго вѣрноподданнаго награды—Высочайшей Государя Императора благодарности. о чемъ о. Кречетовичемъ получено официальное извѣщеніе отъ Министерства Императорскаго Двора и Удѣловъ.

II.

По должности представителя отъ духовенства въ Саратовской городской думѣ (съ 21 сентября 1905 года) о. Кречетовичъ являлся энергичнымъ защитникомъ и ходатаемъ церковно-общественныхъ интересовъ и интересовъ духовенства предъ нашимъ городскимъ самоуправленіемъ. Здѣсь особенно памятнымъ остался его, на шумѣвшій на всю Россію, протестъ противъ «чествованія» Думою Л. Толстого. Наша Дума, поддавшись вліянію лѣвой части интеллигенціи, съ поразительной назойливостью „раздувавшей“ своего кумира-анархиста, тоже смалодушествовала, пожелавъ стяжать себѣ дешевыя лавры „прогрессивности“ въ этомъ чествованіи. Здѣсь сказала характерная черта нашихъ интеллигентовъ—мягкотѣлость, нерѣшительность предъ «наскокомъ» революціонныхъ элементовъ: «какъ бы не прослыть реакціонерами—еще въ газетахъ засмѣютъ»... О. Кречетовичъ не испугался

газетной и интеллигентно-безвѣрной клики и мужественно возвысилъ голосъ противъ позорной затѣи—чувствованія православнымъ государствомъ злѣйшаго врага и церкви и государства.

Какъ сильно были уязвлены въ своихъ «лучшихъ чувствахъ» революціонные элементы видно изъ того, что и теперь, спустя нѣсколько лѣтъ, они не забыли въ своихъ листкахъ—этого «выступленія».

Когда появились сообщенія въ печати о новомъ назначеніи протоіерея Кречетовича на должность Ректора Оренбургской семинаріи лѣвые листки неизмѣнно прибавляли: «это тотъ самый протоіерей, который извѣстенъ своими выступленіями въ Саратовской городской думѣ противъ Л. Н. Толстого». При этомъ—по своему обыкновенію—не обошлись безъ инсинуацій; такъ «Русское Слово» сочинило сплетню, будто назначеніе о. Кречетовича состоялось по ходатайству Владыки Гермогена, «желавшаго избавиться отъ о. Кречетовича», другая же газета—«Рѣчь» повѣдала міру о томъ, что Владыка Гермогенъ давно уже ходатайствовалъ о повышеніи извѣстнаго своимъ «Толстовскимъ выступленіемъ» протоіерея Кречетовича.

Эти противорѣчивыя выходки газетъ, претендующихъ на серьезное руководство въ русской жизни, весьма странны. Почему онѣ вспомнили о Толстомъ, чувствованіе котораго дѣйствительно было позорное? Почему онѣ—разъ дадутъ характеристику церковно-общественному дѣятелю—забыли о работахъ его по исторіи крестьянской реформы, вызвавшей—какъ нами уже отмѣчено—сочувственные отзывы даже лѣвой прессы («Русскія Вѣдомости», «Русская Мысль», «Вѣстникъ Европы» и др.). Но даже это забыто. Злоба измѣняетъ разумъ, подъ вліяніемъ толстовскѣй злобы и лѣвые листки, вмѣсто безпристрастнаго отклика на новое назначеніе, разъ пожелали откликнуться на таковое, сочиняютъ вздоръ, противорѣча другъ другу.

Сама Дума, засчитавшая себя, подъ впечатлѣніемъ момента, «обиженной» выступленіемъ о. Кречетовича,

ходатайствовавшая даже объ удаленіи его изъ Думы— съ теченіемъ времени сама отвергла свое скороспѣлое постановленіе о «полномъ игнорированіи о. Кречетовича». Это видно изъ того, что впослѣдствіи о. Кречетовичъ избирался въ члены комиссій (напр. въ комиссію по организаціи чрезвычайнаго собранія Думы 19 февраля 1911 года, въ память 50-ти лѣтій освобожденія крестьянъ— см. «Извѣстія Саратовской Думы», февраль 1911 г., отд. 5, стр. 54) и успѣвалъ проводить нѣкоторыя свои пожеланія, напр. при обсужденіи Думой, въ засѣданіи 1 февраля 1911 года, «обязательныхъ постановленій о нормальномъ отдыхѣ служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, складахъ и конторахъ» принято предложеніе о. Кречетовича—добавить къ праздникамъ, когда торговля не разрѣшается—великій день для нашего крестьянства— 19 -е февраля (см. тѣ же «Извѣстія», отд. 5, стр. 12).

III.

Ревнители православія несомнѣнно съ любовью и благодарностью помянутъ миссіонерско-проповѣдническую дѣятельность о. Кречетовича. Проповѣдывалъ онъ охотно и часто, гдѣ только представлялась къ тому возможность: слово образное, живое, изустное, создало ему прочную славу выдающагося проповѣдника не только въ Саратовѣ, но и далеко за предѣлами епархіи. Мы знаемъ такой случай: два года тому назадъ о. І. П. совершилъ со всей семьей, 3-е по счету, паломничество въ Саровъ. Здѣсь, въ Саровѣ, на просьбу о разрѣшеніи богослуженія, досточтимый игуменъ Саровской обители предоставилъ о. Іосифу Павловичу отслужить Божественную литургію въ главномъ монастырскомъ храмѣ, хранящемъ цѣльбоносныя мощи Св. Серафима, съ «принесеніемъ слова назиданія монастырской братіи и собравшимся богомольцамъ». То же богослуженіе съ обязательной проповѣдью было и въ сосѣднемъ съ Саровомъ—Дивѣевскомъ монастырѣ. Доводилось о. І. П. проповѣдывать въ храмахъ и на монархическихъ собраніяхъ въ наѣзды его въ Петербургъ, Москву и др. мѣста.

Кромѣ своего приходскаго храма онъ часто говорилъ рѣчи и проповѣди въ другихъ храмахъ и церковно-общественныхъ собраніяхъ г. Саратова.

28 октября 1909 г., напр., въ духовной семинаріи на торжественномъ актѣ въ честь Святого Димитрія Ростовскаго имъ была произнесена замѣчательная рѣчь на тему: «Святой Димитрій Ростовскій, какъ проповѣдникъ».

Въ музыкальномъ училищѣ о. протоіереемъ проведены въ 1910 году 11 пастырскихъ бесѣдъ: 1) 2 февраля «О христіанскомъ бракѣ»; 2) 7 марта «о смыслѣ анаѳематствованія еретиковъ»; 3) 25 марта «О силѣ Креста»; 4) 11 апрѣля «О борьбѣ со страстями»; 5) 1 августа «О значеніи пастырскаго служенія»; 6) 8 сентября «О современномъ язычествѣ»; 7, 8 и 9) 12, 14 и 19 сентября «О Крестѣ Христовомъ»; 10) 26 сентября «О жизни и дѣятельности А. С. Хомякова»; 11) 30 октября—«Религія и Нравственность», и двѣ рѣчи: 1) 10 января—«Государственное значеніе церковной школы», и 2) 5 октября «О состояніи современнаго сектантства».

Въ дворянскомъ собраніи—рѣчь 3 сентября предъ выборами члена въ Государственную Думу, и т. п.

IV.

За время служенія своего въ Саратовѣ, о. протоіерей Кречетовичъ, кромѣ вышеперечисленныхъ должностей, разновременно выполнялъ еще многоразличныя обязанности: состоялъ, на примѣръ, вр. присутствующимъ членомъ духовной консисторіи по слѣдственнымъ дѣламъ съ 27 февраля до 1 августа 1904 года; состоялъ членомъ комиссіи для составленія наградныхъ списковъ духовенства Саратовской епархіи въ 1904—1910 г.г., гдѣ всегда съ особой энергіей предстательствовалъ за членовъ духовенства—добрыхъ тружениковъ на церковно-школьномъ поприщѣ; назначенъ представителемъ духовенства въ Саратовскихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ 21 сентября 1905 года; 10) избранъ членомъ Саратовской ученой архивной комиссіи 5 мая 1907 года; по избранію духовенства состоялъ депутатомъ отъ духовен-

ства на Саратовскихъ общепархіальныхъ и окружныхъ сѣздахъ духовенства въ 1906—1909 г.г.; по избранію епархіальнаго сѣзда духовенства, 1 мая 1904 года, состоялъ членомъ Совѣта Саратовскаго Іоанникіевскаго епархіальнаго женскаго училища; по распоряженію Его Преосвященства производилъ ревизіи духовныхъ училищъ—Саратовскаго въ 1907-мъ и Вольскаго—въ 1911 г.; былъ депутатомъ отъ Саратовской епархіи на Казанскомъ миссіонерскомъ сѣздѣ въ іюнь 1910 года; утвержденъ членомъ Саратовскаго епархіальнаго комитета православнаго миссіонерскаго общества 30 августа 1910 г.; назначенъ предсѣдателемъ епархіальной комиссіи по испытанію лицъ, ищущихъ поставленія въ санъ діакона— 31 августа 1910 года; утвержденъ въ должности предсѣдателя правленія общества вспомошествованія недостаточнымъ ученицамъ Іоанникіевскаго епархіальнаго женскаго училища на 1911 годъ, согласно избранію членовъ этого общества и т. д.

Заканчивая краткое обозрѣніе Саратовскаго періода жизнедѣятельности о. протоіерея Кречетовича, необходимо особо выдѣлить революціонные годы, въ которые Богъ судилъ ему быть въ числѣ ближайшихъ сотрудниковъ нашего Архипастыря, Преосвященнаго Гермогена, стяжавшаго себѣ историческую заслугу своей непоколебимо-мужественной борьбой съ инородческой революціей. Много пришлось претерпѣть въ этомъ историческомъ служеніи Церкви, Престолу и родинѣ и о. протоіерею: травлю газетъ—самую безудержную, угрозы—вплоть до угрозъ насильственной смерти отъ революціонеровъ и тому под. «преслѣдованія», сопутствующія въ наши тяжелые дни каждому выдающемуся русскому дѣятелю, еще болѣе отягчали труды и служебныя заботы о. протоіерея Кречетовича...

И только вѣра въ Бога и свое правое дѣло, несомнѣнно, давала ему силы, преодолевая препятствія и невзгоды, съ честью нести свое нелегкое, многостороннее и отвѣтственное служеніе въ Саратовѣ...

За понесенные нелегкіе труды на пользу Саратовской епархіи о. протоіерей І. П. Кречетовичъ удостоенъ отъ Преосвященнѣйшаго Владыки Гермогена, сослуживцевъ и прихожанъ рѣдкихъ по сердечности проводъ на новое мѣсто своего служенія. Всѣ лица и учрежденія, такъ или иначе близко причастныя къ о. протоіерю Кречетовичу по его службѣ, выразили ему трогательные знаки вниманія, сочувствія, благопожеланій.

Преосвященный Владыка Гермогенъ благословилъ о. протоіерея Кречетовича, при прощаніи, весьма цѣнной иконой Казанской Божіей Матери древняго фряжскаго письма дивной работы, съ слѣдующей собственноручной надписью: «Доброму и усерднѣйшему сотруднику нашему по пастырско-миссіонерскому служенію Православной Церкви Христовой и церковно-школьному просвѣщенію въ Саратовской епархіи, искренно уважаемому протоіерю о. Іосифу Павловичу Кречетовичу, нынѣ ректору Оренбургской духовной семинаріи. Саратовскій Епископъ Гермогенъ. 19 августа 1911 года. Г. Саратовъ».

Епархіальный Училищный Совѣтъ, послѣ послѣдняго подъ предсѣдательствомъ о. Кречетовича засѣданія своего въ августѣ мѣсяцѣ, слѣлалъ новое засѣданіе—подъ предсѣдательствомъ временно исполняющаго обяз. предсѣдателя, протоіерея Г. И. Махровскаго, на каковомъ засѣданіи постановлено: въ уваженіе къ трудамъ и заслугамъ о. протоіерея Кречетовича на пользу церковно-школьнаго просвѣщенія въ Саратовской епархіи представить его къ награжденію библіей, отъ Св. Синода выдаваемой. (Окончаніе слѣдуетъ).

О Ф Ф И Ц И А Л Ъ Н Ы Й О Т Д Ъ Л Ъ .

Резолюціями Его Преосвященства предоставлены мѣста:

діаконское:

Отъ 28 ноября за № 28, при Воскресенско-кладбищенской церкви г. Саратова—иподіакону Саратовскаго Каѳедрального Александр Невскаго собора Вячеславу Кедрову.

псаломщическія:

Отъ 27 ноября за № 3915, при Иоанно-Воинской церкви села Ивановскаго, Петровскаго уѣзда—псаломщику Сергіевской церкви с. Кошелей, Вольскаго у., Иоанну Саердотову;

отъ 29 ноября № 3934, при Параскевинской церкви села Елшанки, Петровскаго у.—бывшему помощнику учителя церковно-приходской школы с. Мордовской Норки, Петровскаго у., Іакову Володину, въ званіи и. д. псаломщика;

отъ 2 декабря за № 3951, при Троицкой церкви посада Дубовки, Царицынскаго уѣзда—казаку Старо-Григорьевской станицы Донской области Тимофею Акимову, въ званіи и. л. псаломщика.

Резолюціей Его Пресвященства, отъ 26 ноября 1911 года за № 3850, и. д. псаломщика Покровской церкви с. Поповки, Саратовскаго уѣзда, Іаковъ Лебедевъ и церкви с. Маріинской колоніи Михаилъ Сребренниковъ утверждены въ должности штатнаго псаломщика;

отъ 26 ноября за № 3856, врем. исполн. обязан. псаломщика церкви с. Колояра, Вольскаго у., Михаилъ Листовъ утверждень въ должности штатнаго псаломщика.

Праздныя мѣста:

Священническія:

Въ гор. Кузнецкѣ при Покровской соборной церкви;—въ г. Вольскѣ при Иоанно Предтеченской соборной церкви, 3-я вакансія;—въ г. Балашовѣ при Ильинской церкви—на-стоятельское;—въ селѣ Малой Воронцовкѣ (Таловкѣ), Аткарскаго уѣзда, при Троицкой церкви, 1-я вакансія;—въ селѣ Черкасскомъ, Вольскаго уѣзда, при Знаменской церкви—1 я вакансія;—въ городѣ Хвалынскѣ при Казанской церкви (соборной), 3-я вакансія;—въ селѣ Лономѣ Царицынскаго уѣзда, при Димитріевской церкви;—въ слободѣ Волковой, Аткарскаго уѣзда, при Иоанно-Богословской церкви;—въ городѣ Царицынѣ, при Успенской соборной церкви, настоятельское;—въ въ селѣ Березовкѣ, Балашовскаго уѣзда, при Космо-Даміанской церкви;—въ селѣ Черномъ Затонѣ, Хвалынскаго уѣзда, при Богоявленской церкви;—въ селѣ Туркахъ, Балашовскаго уѣзда, при Казанской церкви—настоятельское;—въ с. Сестренкахъ, Камышинскаго у., при Димитріевской цер.,—въ с. Комаровкѣ, Кузнецкаго уѣз., при Иоанно-Предтеченской цер.;—въ г. Саратовѣ при Крестовоздвиженской цер.—настоятел.;—въ слоб. Вородачевой, Камышинскаго у., при Рождество-Богородицкой цер.;—въ с. Старомъ-Чирковѣ, Хвалынскаго у., при Иоанно-Воинской цер.;

—въ посадѣ Дубовкѣ, Царицынскаго уѣзда, при Покровской церкви;—въ селѣ Рынкѣ, Царицынскаго уѣзда, при Михаило-Архангельской церкви.

Псаломщическія:

Въ гор. Саратовѣ при Крестовоздвиженскомъ женскомъ монастырѣ;—въ городѣ Саратовѣ, при Срѣтенской церкви;—въ гор. Саратовѣ при Каѳедральномъ соборѣ;—въ гор. Саратовѣ при Рождество-Богородицкой цер.;—въ слоб. Еловаткѣ, Балашовскаго уѣз., при Петро-Павловской цер.;—въ г. Саратовѣ при церкви исправительнаго арестантскаго отдѣленія;—въ селѣ Сойминѣ, Петровскаго уѣзда, при Михаило-Архангельской ц.;—въ г. Царицынѣ при Спасо-Преображенской церкви;—въ селѣ Чихонастовкѣ, Камышинскаго у., при Покровской церкви;—въ слоб. Малой Воронцовкѣ, Аткарскаго у., при Троицкой церкви;—въ селѣ Кологривовкѣ, Аткарскаго у., при Троицкой церкви (прих. 2498; казен. жал. псаломщ. 40 р. 8 к. въ годъ; земли: пахатн. 48 дес., сѣнокосной 4 десят., дома имѣются); въ селѣ Кошеляхъ, Вольскаго у., при Сергіевской церкви (прихож. 1718 душъ, земли: сѣнокосной 3 десятины, пахатной 30 десят., обществ. жал. псаломщ. 120 руб. въ годъ, дома имѣются).

О В Ъ Я В Л Е Н І Е

О подпискѣ въ 1912 году

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ:

„ТРОИЦКОЕ СЛОВО“.

(Третій годъ изданія).

Цѣна за 50 №№ въ годъ одинъ рубль съ пересылкою.

Изданіе это предпринято обителю преп. Сергія въ ознаменованіе исполнявшагося 300-лѣтія освобожденія Лавры отъ польско-литовской осады. Какъ живой памятникъ славныхъ подвиговъ великихъ борцовъ за св. Церковь Православную, за Самодержавнаго Царя и Святую Русь въ тяжелую годину смутнаго времени, „Троицкое Слово“ продолжаетъ, по мѣрѣ силъ, святое служеніе троицкихъ иноковъ тѣмъ свѣтлымъ идеаламъ, за которые полагали души свои наши присноблаженные предки на зарѣ новой, Богомъ благословенной династїи славнаго Царственнаго Дома Романовыхъ. Отвѣчая на запросы современной духовной жизни, оно ставитъ своею задачею раскрывать въ сознаніи русскихъ людей и укрѣплять въ ихъ сердцахъ тѣ основныя начала православнаго міровоззрѣнія, которыя легли въ основу нашей русской народной души. По своему содержанию, духу и направленію „Троицкое Слово“ представляетъ собою тоже, что и извѣстные „Троицкіе Листки“, и встрѣчено православными русскими людьми съ такимъ же чувствомъ благодарности и любовью.

Подписка на полгода и отдѣльные мѣсяцы не принимается.

Редакторъ цензоръ Никонъ, Епископъ Вологодскій и Тотемскій.

Адресъ: Сергіевъ Посадъ, Моск. губ., Редакція „Троицкаго Слова“.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Саратовскій Духовный Вѣстникъ“

Годовая плата съ пересылной 6 руб., полугодовая—3 руб.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разерочка: 2 руб. при подпискѣ, 2 руб.—къ 1 апрѣля и 2 руб. къ 1 юля.

Отдѣльные №№ продаются по 12 коп.

Журналь издается по слѣдующей программѣ:

- 1) Религиозно нравственный отдѣль.
- 2) Патріотическій отдѣль.
- 3) Общій церковно-общественный отдѣль.
- 4) Мѣстный Саратовскій церковно-общественный отдѣль.
- 5) Библиографическій отдѣль.
- 6) Разныя извѣстія и замѣтки.
- 7) Официальный отдѣль.
- 8) Объявленія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

- 1) Въ конторѣ редакціи (домъ быв. Ростовцева, рядомъ съ Архіерейскимъ домомъ).
- 2) У и. д. Редактора, протоіерея С. П. Ильменскаго (г. Саратовъ, Маринскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ).
- 3) Въ книжномъ складѣ Саратовскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта (Московская ул.).

Здѣсь-же принимаются и объявленія по 15 коп. за строку (или мѣсто строки) въ ширину страницы; годовыя, полугодовыя объявленія и на срокъ по соглашенію.

Печатано по благословенію Его Пресвященства. Типографія Союза Печ. Дѣла.